

О.Н. Михайлик

ФЕНОМЕН «КОРЕЙСКОЙ ВОЛНЫ»: СИНТЕЗ ЗАПАДА И ВОСТОКА?

*Михайлик Ольга Николаевна
Выпускница исторического факультета
ИГУ по специальности «международные
отношения» в 2007 г.*

*В настоящее время работает
в компании «БАРСА-ЛЕС» в должности
менеджера ВЭД со знанием китайского
языка и преподавателем китайского
языка в языковой школе Denis school.*

*Сфера научных интересов: анализ
кросскультурной проблематики
в контексте взаимоотношений Китая
и стран АТР.*

Данная статья посвящена новому явлению, которое распространяется сейчас по всей Азии, так называемому феномену «корейской волны». Это явление представляет собой сплетение противоположных начал: традиционных восточных (конфуцианских) и западных культурных ценностей. Проявляется оно в распространении моды на все корейское: не только поп-музыку, сериалы, фильмы и другие виды развлекательной корейской индустрии, но и корейскую кухню, предметы домашнего обихода и т. д. Модницы всех юго-азиатских стран перенимают даже особенности корейского макияжа, коррекции бровей, делают пластические операции, пытаются походить на корейских звезд. Поклонниками корейской моды является не только молодежь. Много их и среди других возрастных категорий. Это люди разных профессий и с разным уровнем образования. Преобладают женщины с высоким уровнем образования: частные предприниматели, госслужащие и работники компаний. Увлечение Южной Кореей выражается в растущем числе молодых людей, желающих учить корейский язык, покупать корейские товары, приобретать традиционную корейскую одежду. Замечено, что некоторые китайские невесты предпо-

читают быть в корейском традиционном платье на своей свадебной фотографии или даже надеть его в день бракосочетания.

На этом примере можно предположить, что глобализация – это не прямое распространение каких-то западных ценностей. Южная Корея, подвергнувшись влиянию Запада в лице США, а, впитав западные стереотипы, сейчас распространяет в рамках АТР новый продукт, который выражен в симбиозе южнокорейского образа жизни, конфуцианства и западной культуры.

Страны Восточной Азии переживают сейчас период острого увлечения корейской массовой культурой. Процесс ее распространения вовне стали называть «корейской волной», «бумом корейской культуры». Распространение «корейской волны» сравнивают с лихорадкой, поразившей всю Восточную и Юго-Восточную Азию. А все началось с обычных трансляций южнокорейских сериалов «Что такое любовь», «Зимняя Соната», «Жемчужина Замка» и других. А к 2000 году «корейская волна» была уже в самом разгаре¹. Множество тайваньцев, японцев, тайцев приезжают в Сеул на шопинг. Толпы японских подростков просто оккупируют корейские магазины в поисках модных молодежных вещей. В любом пекинском ресторане быстрого питания на экране телевизора обязательно можно увидеть корейского певца или поп-группу. Одна из вьетнамских газет включила факт популярности всего корейского на телевидении в число «десяти наиболее значимых культурных событий 2001 года»². Глава Федерации моды Азии Хираи Кацухико выступил с утверждением, о том, что в мире моды наступает век Азии. С этим согласилось большое число специалистов fashion-индустрии мира³.

В Южной Корее, стране, находившейся, в разные периоды ее истории под влиянием различных государств, исторически считавшейся вечной окраиной, периферийным государством, этот феномен был воспринят как нечто неожиданное и подающее большие надежды.

Данное явление имеет достаточный общественный резонанс. Но в силу своей новизны и неожиданности оно почти не стало предметом научного изучения. Эта проблематика (особенно на фоне экономических и политических сюжетов) понемногу входит в круг исследовательского внимания китайских и южнокорейских ученых. За ними следуют американские и европейские исследователи. В России феномен «корейской волны» практически не изучается.

Автор заинтересовался этим феноменом во время стажировки в Китае в 2005 году. Собранные тогда материалы и наблюдения, дополненные текстами из Интернета, и легли в основу настоящей работы.

Это явление было впервые замечено и зафиксировано китайскими журналистами. Один из них в феврале 2001 г. и предложил подхваченное

сразу же название⁴. На китайском языке это звучит как «han liu», на корейском языке как «hanryu» или «halryu», что в переводе означает «корейское течение» или «корейская волна».

Это явление представляет собой сплетение противоположных начал: традиционных восточных (конфуцианских) и западных культурных ценностей. Проявляется оно в распространении моды на все корейское: не только поп-музыку, сериалы, фильмы и другие виды развлекательной корейской индустрии, но и корейскую кухню, предметы домашнего обихода и т. д. Модницы всех юго-азиатских стран перенимают даже особенности корейского макияжа, коррекции бровей, делают пластические операции, пытаются походить на корейских звезд. Поклонниками корейской моды является не только молодежь. Много их и среди других возрастных категорий. Это люди разных профессий и с разным уровнем образования. Преобладают женщины с высоким уровнем образования: частные предприниматели, госслужащие и работники компаний. Увлечение Южной Кореей выражается в растущем числе молодых людей, желающих учить корейский язык, покупать корейские товары, приобретать традиционную корейскую одежду. Замечено, что некоторые китайские невесты предпочитают быть в корейском традиционном платье на своей свадебной фотографии или даже надеть его в день бракосочетания.

Феномен способствовал появлению новых слов в лексиконе китайцев. Подростков и молодых людей, фанатически увлекающихся южнокорейским, стали называть «ha han zu» или «han mi» («поколение корепоклонников»). Есть и другие варианты. Представители «ha han zu» могут не очень хорошо знать историю, экономику и политику Южной Кореи, да и не стремятся к этому. У них нет глубокой ностальгии по этой стране. Но они большие любители объектов и символов южнокорейской массовой культуры, таких как еда, игрушки, косметика, мультфильмы, телешоу, кумиры, видеофильмы, компакт-диски, одежда⁵. Их можно отличить по внешним данным: девушки обычно перекрашивают свои волосы в светлые тона, становятся блондинками, иногда, очень редко красят губы в темные цвета; юноши носят стрижку с длинными волосами, серьгу в ухе, широченные джинсы, которые могут волочиться по тротуару⁶. Очевидно, что это продукт южнокорейской массовой культуры и манипулирования со стороны южнокорейских СМИ.

В начале века влияние «корейской волны» росло: оно практически вытеснило с китайских телеэкранов отечественные сериалы, привлекло большое внимание не только у молодых людей, но и людей пожилого возраста. Это отразилось и в языке. Поэтому и термин на бытовом уровне приобретает дополнительную смысловую нагрузку. В разговорном обиходе китайцы стали использовать другое написание слова с использованием других иероглифов, хотя произношение осталось тем же «han liu». Новый

термин имеет глубокий переносный смысл и означает «южнокорейский поток холодного, влажного воздуха, вдохнув который можно легко простудиться и заболеть» – «люди болеют данным явлением, последствия которого не предугадать, и противоядия, от которого неизвестны».

Механизм появления и стремительного развития моды интересен сам по себе. Еще более интересно то, что произошло повальное увлечение культурой страны, которая всегда считалась и оценивалась как культурная периферия, окраина.

Существует несколько интерпретаций этого: 1) новая трактовка конфуцианства, приближенная к реалиям современного мира; 2) симбиоз западных и традиционно восточных ценностей; 3) это способ создания комфортных условий для приезжающих в Китай многочисленных корейцев; 4) это результат официальной политики правительства Южной Кореи по привлечению внимания к культуре страны.

1) Новая трактовка конфуцианства, приближенная к реалиям современного мира. Южная Корея, развивая свою экономику, проводя политику модернизации, одновременно развивала свои коренные традиции, особенно систему ценностей конфуцианства.

О новой трактовке конфуцианства, приближенной к реалиям современного мира, заговорил профессор южнокорейской академии наук Нам Ныонг-жо. В своей статье под названием «Новая жизнь со старыми убеждениями», он утверждает, что корейцы переделывают конфуцианство как идеологию. Каким образом это происходит конкретно, он не описывает. По его мнению, «Япония уже давно начала свою модернизацию, однако по мере ее проведения она утратила свои традиционно восточные корни, т. е. конфуцианство, и сейчас в стране возникло ощущение недостатка именно этого традиционного элемента, который так присущ всем странам Восточной и Юго-Восточной Азии... Китай тоже погружен в реализацию планов модернизации и стоит на пути изоляции от своих коренных традиций. И только Южная Корея осталась верна своим исконным традициям и заново как бы открывает забытое наследие конфуцианства. На протяжении всего XX века Южная Корея пренебрегала конфуцианством, т. к. корейцы в конфуцианстве видели причины унижения от национального развала и колонизации, а нашли утешение своих несчастий именно в модернизации. Конфуцианство не могло бы процветать, и вынуждено было бы исчезнуть вместе со старшим поколением... Конфуцианство, которое считалось преградой на пути к модернизации, стало известно как та самая философия, которая успешно ее осуществляет. Корея удивительным образом вновь возвысилась, и ее новая вера требует нового конфуцианского кодекса. Импульс пришел из культуры. Конфуцианство часто упоминается как основа «корейской волны», которая распространилась по всей Японии, Китаю, ЮВА и сейчас по всей территории АТР. По мере того как экономика стра-

ны развивается и вовлекается в процессы глобализации, местная культура расширяется, и каноны конфуцианства обретают новую силу. С растущим вниманием к конфуцианству экспертам нужно изменить старые и создать новые подходы к древней философии... Трансформируясь вместе со временем, конфуцианство родилось заново и написало новую историю. Помимо своего культурного содержания, конфуцианство можно обнаружить в семейных ценностях, что является основой «корейской волны», в менеджменте, основанном на отношениях между людьми и уникальном восприятии жизненной сути»⁷.

Южная Корея всегда была цитаделью ортодоксального конфуцианства. С течением времени под воздействием западной идеологии и норм нравственности вся система конфуцианских взглядов стала меняться. Опыт Республики Кореи показывает, что в связи с ростом экономической мощи Южной Кореи, в 1960-х–70-х годах началась внутренняя эволюция конфуцианства. На него стали оказывать воздействие факторы западной – протестантской культуры. Система общественных взглядов изменилась в сторону еще большей гуманизации. Таким образом, это способствовало появлению культурного феномена «корейская волна».

2) Симбиоз западных и традиционно восточных ценностей.

При изучении культуры современной Южной Кореи можно выделить четыре основных слоя, каждый из которых и сейчас оказывает заметное влияние на повседневную жизнь корейцев. Речь идет об исконно корейской, конфуцианско-китайской, японской и современной американо-европейской культурных традициях.

Корейцам удалось найти такое соотношение традиций и инноваций, которое в наилучшей степени отвечает требованиям современного развития страны. Особо важную роль в том, что синтез нового и старого, исконного и заимствованного, оказался столь успешным, в данном случае играют те культурные элементы, которые являются общими для всех стран дальневосточной цивилизации. К ним относятся традиционно высокая трудовая культура, привычка к иерархии, склонность к дисциплине, законопослушность, уважение к старшим. Тем не менее, достаточно трудно определить, в течение какого времени удастся сохранить этот сложившийся уникальный баланс между традициями и инновациями.

Современная культура Южной Кореи, в том числе и бытовая, носит синтетический характер, она представляет собой симбиоз традиционных восточных и новых, заимствованных западных черт, это позволило ей, впитав и пропустив через себя, создать новую своеобразную культуру, распространение которой и получило название «корейской волны». Жителям азиатских государств легче усваивать такой продукт, чем западный вариант в чистом виде.

3) Способ создания комфортных условий для приезжающих в Китай

корейцев.

Наплыв корейцев, изучающих китайский язык и приносящих с собой элементы своей культуры в Китай, с каждым годом становится всё больше. На взгляд автора, это связано с тем, что в Южной Корее тоже наблюдается своя («han liu») – «китайская волна», которая возникла там одновременно с «корейской». Именно она и привлекает корейцев. Об интересе корейцев к «старому льву» говорит огромное количество научной, научно-популярной, публицистической литературы в книжных магазинах по всей Южной Корее. Если в 50-х гг. имелось только 3 вуза, где преподавался китайский язык, то сейчас их насчитывается 142, 114 из которых имеют постоянные официальные связи по обмену студентами. По данным 2006 г., в Китае обучалось 45000 студентов из Кореи. К этому надо добавить большое число учеников младшей и средней школы, обучающихся в Китае, т. к. у корейских родителей бытует мнение: чем раньше ребенок выезжает за границу на обучение, тем у него больше возможностей в будущем. Они также считают, что ребенок, изучающий китайский язык, будет коротать свои дни абсолютно беззаботн⁸. Корейцы являются и самыми активными туристами, посещающими Китай. Количество приезжающих в Китай корейцев с каждым годом только увеличивается.

Таким образом, в последнее время происходит некий культурный обмен между Республикой Корея и КНР, и обе поставляют свою «волну».

Для корейцев за рубежом характерно жить по нормам своей страны. И в Китае они продолжают жить клановостью, вести свой образ жизни и навязывать его окружающим их китайцам, практически не общаясь с местным населением. Среди корейцев, изучающих в Китае китайский язык, а также других иностранцев бытует мнение, что «корейская волна» не имеет какого-либо культурного значения и создана для удобства самих корейцев.

4) Политика правительства Южной Кореи по «глобализации корейской культуры».

Президент Республики Корея Ким Дэ Чжун, рассуждая в своей книге «Новое начало» о «мудрости консерватизма», отмечает: «Мир в настоящее время стремительно меняется... Жизнь состоит из вызовов и ответов на них... Корея сталкивается с глобальным вызовом со всех направлений». И в своей инаугурационной речи он подчеркнул, что «наша энергия должна быть направлена на глобализацию корейской культуры в целом⁹. Эта речь стала во многом директивной и можно предположить, что феномен «корейской волны» является реализацией курса на «глобализацию корейской культуры». Тем более что феномен активно, хотя и неофициально поддерживается властями страны.

Вряд ли такое сложное явление можно объяснить только одной причиной. Возможно, действуют все они – и не только они. Но основной из них автор считает все-таки вторую. После окончания холодной войны

преобладающей тенденцией мирового развития стала глобализация. Этот процесс обусловлен технологическими сдвигами, изменениями в области транспортных и информационных коммуникаций. Начавшись в экономической сфере, глобализация охватила практически все сферы общественной жизни.

Культурный феномен «корейской волны» в Восточной Азии можно рассматривать как синтез глобальной культуры, по американскому типу происхождения, с южнокорейской традиционной культурой, где огромную роль играют традиционные конфуцианские ценности. Как некую ответную локально-региональную реакцию в противовес глобальной культуре: вестернизации – американизации. Однако глобальная культура, попадая в данный регион, тоже неким образом трансформируется под воздействием местной южнокорейской культуры. На этом примере можно предположить, что глобализация – это не прямое распространение каких-то западных ценностей. Южная Корея, подвергнувшись влиянию Запада в лице США и впитав западные стереотипы, сейчас распространяет в рамках АТР новый продукт, который выражен в симбиозе южнокорейского образа жизни, конфуцианства и западной культуры.

Здесь уместно говорить и о явлении, названном Джеймсом Уотсоном глокализацией: т. е. о ситуации, когда глобальная культура принимается, но с существенными местными видоизменениями.

Становление однополярного мира закрепило статус США как государства-гегемона во всех сферах, от экономики до культуры. Навязываемый развивающимся странам западный, то есть, прежде всего, американский, вариант модернизации и глобализации связан со стремлением США выступать в качестве «большого брата» и контролировать деятельность важнейших институтов, являющихся проводниками глобализации. «Американизация» культуры в Южной Корее проявилась не только в помощи модернизации, но и в растущем засилье сделанных в США кинофильмов, радио- и телепрограмм, внедрении западных стандартов в повседневную жизнь южнокорейцев.

Одновременно росло и стремление к своего рода коллективному противостоянию «большому брату». В противовес распространению глобальной гегемонии развлекательной индустрии США стали формироваться некие региональные блоки, по большей части основанные на культурной близости регионов. В качестве такового можно рассматривать феномен «корейской волны». Приоритетом должно стать создание «культурного занавеса» для защиты от наплыва американской культуры.

Одновременно это идеальная возможность для того, чтобы создать азиатскую региональную общность. Структура азиатского культурного блока является важной для создания общности, основанной на взаимном, совместном понимании, и «корейская волна» считается важным началом.

Кроме создания культурного блока, Азия еще и создает тем самым экономический блок, подобный Европе¹⁰.

Опора президентов Южной Кореи на западные ценности и на конфуцианские моральные принципы одновременно сказалась на формировании некой новой культуры на юге Корейского полуострова. Она сочетает в себе баланс и западных культурных ценностей, и традиционных восточных культурных ценностей, присущих не только Южной Корее, а можно сказать и всему региону АТР. Культурно-психологические последствия модернизации, глобализации отнюдь не сводятся к выбору между двумя экстремальными «сценариями»: либо тотальная вестернизация (американизация), либо национально-культурное обособление на основе традиционализма и фундаментализма. В данном случае выбор пал на «золотую середину» – «корейскую волну».

Любые элементы культуры, попадая в новую среду, в данном случае, в корейскую цивилизацию, неизбежно трансформируют эту новую среду, но и частично трансформируются сами, всё же сохраняя свои особенности. Таким образом, РК, впитав элементы американской культуры, преобразовала их в новый феномен, некий симбиоз западного стиля жизни, западных ценностей и традиционных ценностей восточной цивилизации – конфуцианства. Симбиоз этих ценностей оказал колоссальное влияние на массовую культуру и повседневную жизнь корейского общества.

Южная Корея, достигнув значительных экономических успехов, начинает передавать и распространять новый продукт (симбиоз западных ценностей с конфуцианством и восточным традиционализмом) на другие страны, особенно находящиеся в переходном периоде, т. е. на пути экономического развития и тоже находящиеся под влиянием конфуцианства. Этот новый продукт или феномен «корейской волны» распространяется Южной Кореей на близлежащие страны региона АТР, где он активно впитывается в связи со схожим социокультурным фоном.

Корейский полуостров – это природный перекресток между Китаем, Японией, Сибирью и Тихим океаном. Эта географическая особенность предопределила не только этническое происхождение корейцев, их материальную и духовную культуру, но также последующую судьбу их страны.

В прошлом, несмотря на географическую близость и культурную сочетаемость, по политическим причинам страны Азии в большей степени подавляли культурные обмены между собой. Китай, Корея и Япония начали развивать культурные связи между собой сравнительно недавно. Замечено, что Южная Корея – страна, которая считалась периферией культуры в международных обменах, сейчас играет важную роль в регионализации массовой культуры в целом в Восточной Азии, и производимый ею продукт рассматривается центром массовой культуры и одним из способов культурного обмена во всей Азии.

Небывалая популярность «корейской волны» символизирует скачок корейской современной культуры. Бытует мнение, что феномен представляет не только взаимодействие традиционной корейской культуры и современной европейской, но и есть вероятность, что может стать «головой дракона» всей экономики Южной Кореи. Этот феномен способствует повышению образа Кореи как процветающей страны и демонстрирует современную культуру Кореи всему мировому сообществу. «Корейская волна» показывает азиатским странам, что она уже не периферия, не страна третьего мира, а такая же современная урбанизированная, обладающая качествами капиталистического общества страна, которая даже может воздействовать на культуры других стран.

Популярность южнокорейских телесериалов привела к увеличению производства товаров, поэтому стала указывать не только на культурное содержание, но и на экономические последствия. Феномен «корейской волны» не ограничен только поп-музыкой и сериалами, он также способствует популяризации корейской кухни, развитию туристического сектора Южной Кореи, популярности изучения корейского языка, росту интереса к традиционным корейским нарядам.

В действительности, популярность южнокорейской поп-культуры приобрела очень позитивное влияние на постколониальную Азию. Многие жители азиатских стран долгое время соприкасались практически только с культурными продуктами Западного мира, теперь же у них появилась возможность соприкоснуться с азиатскими культурными продуктами.

Корейцам удалось найти такое соотношение традиций и инноваций, которое в наилучшей степени отвечает требованиям современного развития страны. Особо важную роль в том, что синтез нового и старого, исконного и заимствованного, оказался столь успешным, в данном случае играют те культурные элементы, которые являются общими для всех стран дальневосточной цивилизации.

Примечания

1. Norimitsu Onishi. South Korea adds culture to its export power// The New York Times. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.iht.com/articles/2005/06/28/news/korea.php> (29.06.2005)
2. Lee Min-young. Can 'Hallyu' Maintain Popularity? // Korea Times [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://search.hankooki.com/times/times_view.php?term=korean+wave+in+china++&path=hankooki3/times/lpage/opinion/200606/kt2006062518125654070.htm&media=kt (25.06.2006)
3. Seo Dong-shin. Korean Wave Waning in Asian Nations// Korea Times [Электронный ресурс]/ Режим доступа: http://search.hankooki.com/times/times_view.php?term=korean+wave+in+china++&path=hankooki3/times/lpage/culture/200612/kt2006122617470311710.htm&media=kt (26.12.2006)

4. Korean wave// Wikipedia – the free encyclopedia. [Электронный ресурс] / Wikipedia. – Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Korean_wave
5. «Han liu» dui wo guo qing shao niqn de ying xiang (Влияние «корейской волны» на молодежь Китая) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://zhidao.baidu.com/question/7738182.html>
6. Han guo mei ti yin han liu ying xiang zhong guo gao zhong sheng zui xi huan han guo (СМИ РК освещают влияние «корейской волны» на школьников старших классов)// [Электронный ресурс] / – Режим доступа: <http://www.tianya.cn/new/Publicforum/Content.asp?Key=0&flag=1&idArticle=135363&idWriter=0&strItem=worldlook> (30.12.2006)
7. Shin Eun-jin. New life for old beliefs// «JoongAng Daily» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://joongangdaily.joins.com/article/view.asp?aid=2692748> (03.03.2006)
8. «Han liu» dui wo guo qing shao niqn de ying xiang (Влияние «корейской волны» на молодежь Китая) // [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <http://zhidao.baidu.com/question/7738182.html>
9. Корейский полуостров и вызовы XXI в.: доклады, представленные на научной конференции корейстов. – Москва, 2002. – С. 132.
10. Choi Sang-Chin, Kim Kibum Chemyeon. Social Face in Korean Culture // Korea journal. – Summer 2004. – N. 2– P. 30–51.

Е.А. Игнатова

ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ: ДИНАМИКА И СТРУКТУРА В КОНТЕКСТЕ МЕНЯЮЩЕГОСЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

*Игнатова Екатерина Андреевна,
специалист-эксперт отдела анализа,
планирования и контроля УФМС России
по Иркутской области.*

Целью статьи является анализ ситуации в сфере внешней трудовой миграции в Иркутской области в 2003–2007 годах. Это важный и показательный период, принесший с собой заметные перемены как в динамике процесса, так и в его правовом регулировании. Он демонстрирует, как в